

Выражение её лица было предельно искренним, а улыбка — безобидной и заманчивой. Мальчишка поколебался, затем выхватил часы из рук Цинь Чаншэн, сунул в карман и, припоминая, выпалил: «Они сегодня в обед приехали! Ещё говорили, что ищут какую-то женщину... Шэн, вроде. Мама меня с собой взяла в дом к старосте помогать, вот я и подслушал!»

Сердце Цинь Чаншэн упало на дно, словно погрузившись в ледяную воду. Мороз пробежал по коже.

Если не её, то кого же ещё?

Кто эти люди? С пистолетами... значит, просто так они не отступят.

Они сами только-только добрались до Деревни у подножия горы, а эти уже тут как тут. Они с Цзян Чжунсюэ шли через лес, вышли с другой стороны и пришли сюда. Весь их путь знала лишь Цзян Чжунсюэ. Если уж на то пошло, утечка могла произойти и со стороны брата... но кто, кроме самых доверенных его людей, мог знать об их маршруте? Да и те, кто рядом с братом, казались ей куда надёжнее, чем Цзян Чжунсюэ, с которой они знакомы совсем недолго.

Чем больше она думала об этом, тем холоднее становилось на душе. Она изо всех сил старалась сохранить на лице улыбку, в голове молниеносно пронеслась мысль, и она решила напугать ребёнка: «Вот скажу старосте, что ты подслушивал!»

Лицо мальчишки вытянулось, он расстроено надулся, вытащил часы из кармана, швырнул их обратно Цинь Чаншэн и пробурчал: «На фиг не сдались! Фу, жадина!»

Цинь Чаншэн поймала часы. Ум затуманился от тревоги, но почему-то в горле запершило смешок. Оказывается, она всё ещё способна бояться. Особенно когда узнаёт, что у противника есть оружие.

И судя по описанию, приехали они не в одиночку.

Цинь Чаншэн снова надела часы. Ребёнок, вне себя от обиды, перебрался на другую скамейку. Она взяла миску с едой и сделала вид, что спокойно продолжает ужинать, но её взгляд скользнул по соседним столам.

За ними сидели старики да ребятня, женщины же суетились, разнося угощение.

Цинь Чаншэн огляделась — ни за одним столом не было ни одного молодого мужчины. Она украдкой бросила взгляд на главный вход, ей захотелось спросить у того мальчишки, не накрыт ли ещё один стол внутри.

Но она сдержалась. Ведь тот самый сопляк, только что обозвавший её жадиной, сидел за соседним столом и дулся, не сводя с неё недовольного взгляда.

Правду ли он сказал или просто похвастался? На всякий случай нельзя было спрашивать напрямую.

Цинь Чаншэн несколько раз мельком взглянула в сторону входа, но не делала резких движений. Снаружи поставили походную печь, и люди проносили блюда через другой проход. Цинь Чаншэн, заметив это, принялась считать тарелки.

Семь.

Затем, когда человек с подносом проходил мимо главного входа, она, не мигая, пересчитала снова.

Шесть.

Сердце Цинь Чаншэн окончательно похолодело.

Внутри, за главной дверью, был ещё один стол. Стол, который не вынесли на всеобщее обозрение. Еду подали, но людей не показали — видимо, чтобы не столкнуться с ней лицом к лицу.

Она сохраняла полное спокойствие, медленно пережёвывая холодные закуски и намеренно избегая основных блюд. Кто знает, могли ли они, имея при себе оружие, подсыпать чего в еду?

Но почти сразу же она отбросила эту мысль. Дети за столами дрались за еду, словно голодные волчата. Если эти люди пришли за ней, то, скорее всего, договорились с деревенскими. Но даже самые корыстные из них вряд ли стали бы играть с жизнями своих односельчан. Если бы они и впрямь сумели подкупить деревенских, чтобы те отравили общую трапезу... это было бы уже за гранью.

По спине Цинь Чаншэн пробежала холодная испарина, но внешне она оставалась невозмутимой. Немного поев и убедившись, что восстановила достаточно сил, она отложила палочки, встала и подошла к тётушке Чжан: «Тётя Чжан, я наелась. Пойду, пожалуй, назад».

Та аж подпрыгнула от неожиданности: «Как так? Ты же почти ничего не съела! Уже темно, дорогу не разглядеть, ты ведь здесь впервые, заблудишься. Подожди, я с тобой пойду».

Она держала в руках блюдо, лицо её выражало искреннюю заботу. Цинь Чаншэн лихорадочно соображала, какова вероятность того, что тётушка Чжан тоже в этом участвует.

Но выражение лица женщины было естественным, Цинь Чаншэн не заметила в нём ни тени фальши. Она кивнула: «Всё в порядке, у меня телефон, есть фонарик. Уже поздно, хочу поспать».

Тётушка Чжан, занятая хлопотами, не стала настаивать. Цинь Чаншэн с невозмутимым видом покинула пиршество и вышла на улицу.

Снаружи всё потонуло во тьме, словно несметные полчища теней устремились к ней.

Цинь Чаншэн включила фонарик на телефоне. Сначала она шла медленно, но, отдалившись от огня пира, глубоко вдохнула, выключила фонарь и, освещая путь лишь мерцанием экрана, побрела вперёд.

Она замерла в темноте на несколько секунд, а затем, сжав телефон в руке, рванула что есть сил в сторону леса.

Ветки хлестали её по лицу, ветки рвали джинсы на ногах. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди. В голове стучала одна-единственная мысль: бежать!

Убраться из этой деревни!

Она мчалась в кромешной тьме, не зная, сколько прошло времени. Наконец Цинь Чаншэн

остановилась, судорожно хватая ртом воздух, и рухнула на колени. Сердце бешено колотилось, каждый вдох обжигал лёгкие, словно раскалённый кнут.

По лицу струилось что-то тёплое, бёдра горели огнём, в ступнях сверлила боль, ноги стали ватными и не слушались. Цинь Чаншэн стояла на коленях, пальцы онемели, свет экрана телефона постепенно угасал.

Как далеко она забежала?

Единственное, что занимало её ум, — удалось ли ей убежать?

Только что она думала лишь о бегстве, но теперь её тело достигло предела и готово было сдаться. Пальцы не слушались, всё тело дрожало, ноги подкашивались. Она могла только стоять на коленях, больше ни на что не способная.

Она даже не могла поднять палец, чтобы провести по экрану телефона.

Цинь Чаншэн с трудом наклонилась в сторону и позволила себе рухнуть на землю. Она лежала, судорожно глотая воздух.

Спустя долгое время она подняла руку и с усилием провела по лицу. Пальцы наткнулись на что-то влажное, липкое, с лёгким запахом крови.

Похоже, ветка рассекла ей кожу, оставив на лице порядочную царапину.

Цинь Чаншэн долго лежала неподвижно, прежде чем в теле появилась хоть капля сил. Прохладный ветерок затянул ссадину на лице плёнкой запёкшейся крови. Она, пошатываясь, поднялась. На бёдрах сочилась кровь, сквозь разорванную ткань джинсов виднелась рваная рана.

И в этот самый момент в голову Цинь Чаншэн неожиданно пришла мысль: «А Цзян Чжунсюэ полезла в гору в одних шортах — и ни царапинки! Хоть бы маленькую получила!»

Её рассмешила эта нелепая идея. Она только что пережила смертельную опасность, сумела хладнокровно выбраться, но почему всякий раз, когда дело касается Цзян Чжунсюэ, её захлёстывают бесконечный гнев и обида?

А ведь Цзян Чжунсюэ и вправду невыносима!

Цинь Чаншэн продолжала размышлять об этом, но, попытавшись сделать шаг, почувствовала пронзительную боль в ноге. Она опустилась на землю, обхватила ногу руками и, стиснув зубы, осмотрела повреждение. Попыталась оторвать кусок от своей одежды, чтобы сделать импровизированную повязку, но, дёрнув ткань несколько раз, так и не смогла её разорвать.

Цинь Чаншэн попробовала снова и снова, пока наконец не выругалась сквозь зубы: «Чёрт возьми, и ты тоже против меня?»

Но вокруг был лишь лес, и никто не откликнулся.

Цинь Чаншэн почувствовала, как по лицу снова потекла тёплая влага. Она вытерла её тыльной стороной ладони и с яростью прошипела: «Хватит реветь! Хватит! Распустила нюни! Ни на что не годна!»

<http://bllate.org/book/16269/1464186>